

УДК 28 + 930.2
ББК 86.372.81 + 63.2

ФОТОМАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ КРОССКУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРУПП СТАРООБРЯДЦЕВ (БЕССАРАБИЯ, БУРЯТИЯ, ТУВА)¹

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ КОСТРОВ

(Иркутский государственный университет:
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1)

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ПРИГАРИН

(Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова:
Украина, 65000, г. Одесса, ул. Дворянская, д. 2)

Аннотация. Фотоматериалы являются ценным источником для исследования истории и культуры локальных групп старообрядцев. Факт фотографирования, жанры фотоснимков, внешний вид запечатленных людей и окружающий их предметный мир — всё это дает достаточно много материала для изучения особенностей старообрядчества разных регионов. Соответственно это фотодокументальное наследие через использование компаративного подхода позволяет выявить и подвергнуть кросскультурному анализу специфику разных локальных старообрядческих сообществ. А анализ изменения количества, качества и содержания фотоматериалов первой трети XX в. дает возможность оценить характер и темпы эволюции старообрядческой культуры разных регионов в тот переходный период.

В статье исследуются ключевые вопросы теории и практики источниковедческого использования фотографии. Предпринимается аналитическое сравнение комплексов фотографий, отразивших разные стороны жизни регионального старообрядчества в период поэтапной технологической модернизации общественной культуры. Выявляется типологичное и специфичное в историко-культурном развитии старообрядческих общин Бессарабии, Бурятии и Тувы. Делается вывод, что фотоматериалы позволяют заметно расширить и уточнить данные других типов исторических источников. Кроме того, они дают достаточно широкие возможности для кросскультурного выявления специфики и характера эволюции традиционной культуры старообрядцев разных регионов.

Ключевые слова: фотография, исторический источник, старообрядцы, липоване, семейские.

Современная научная практика представляет широкие возможности для культурологического анализа феномена фотографии и его роли в жизни человека.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00723 «Енисейский меридиан старообрядчества: сохранение и развитие традиции в условиях таежных скитов и деревень».

Хотя в антропологии и смежных науках имеются удачные примеры рассмотрения фотографии как элемента человеческой культуры, отражающего многоуровневую реальность [Александров 2005; Барт 1997; Лишаев 2007; Малес 2007; Нуркова 2006; Петровская 2002; Толмачева 2009 и др.], разработка некоторых аспектов создания и функционирования фото свидетельствует о потребности развития старых и новых гносеологических приемов в этом направлении.

Фотография — это документ, который был «создан в социальной реальности и рассказывает о ней, потому он требует двойного прочтения: во-первых, систем текстообразующих значений в знаках и символах, во-вторых, значимостей ситуации фотографирования». А так как «в качестве субъекта текстообразования выступает культурная действительность изображения, то значение ситуации создания фотографии определяется фотографом и социальным взаимодействием процесса фотографирования» [Малес 2007, 168–182]. На наш взгляд, не меньше смысла формируется в дальнейшем, так как судьба фотокарточки является еще одним социокультурным параметром, в котором стоит искать содержание и семантическую нагрузку.

На всех трех уровнях реализации фотографического изображения прослеживается акцентуализация прошлого опыта. При том, что фотореальность — это конгломерат разнообразных плоскостей действительности (кто фотографировал, что фотографировал, что не фотографировал, для чего фотографировал, какое значение придавалось хранителем, что комментировалось собирателю). Характеризуя многоуровневость отражаемой идентичности, Р. Барт подчеркивал, что «перед объективом я в то же время являюсь тем, кем себя считаю, кем бы я хотел быть, кем я хотел бы, чтобы меня считали, тем, кем меня видит фотограф, и тем, кем он пользуется, чтобы проявить свое искусство» [Барт 1997, 26]. При этом для исследователя важна не только та информация, которую фотограф хотел зафиксировать, но и то, что он не планировал фиксировать, но зафиксировал. Также представляет интерес запрет на фотографирование в тех или иных культурах и его эволюция. Такая полисемантика представляет собой широкий

потенциал для различных эпистемологических и гносеологических направлений.

По нашему убеждению можно говорить об относительной самостоятельности этого типа источника. Фотоснимки становятся своеобразными носителями информации, отражая хронологические и этнокультурные реалии, как и их хозяева, они с документальной точностью передают все основные реалии культуры — от внешнего вида людей до социальных институтов, от обрядовых действий до хозяйственных занятий.

Фотография принадлежит к так называемым массовым источникам, в которых феноменология расценивается в категориях «типичности» или «случайности». Исходя из опыта источниковедческих приемов в отношении такого вида данных, стоит не столько сосредоточиваться на поиске уникальных черт, сколько пытаться легитимировать конкретную инновацию с помощью современных технологий и коллективных усилий по выявлению, сохранению и обработке формулярных свидетельств.

Для фотографии как исторического источника характерны визуализация образов (наглядность) и высокий уровень достоверности запечатленной информации. Чаще всего в центре внимания фотографа оказывается человек (в своем времени и в среде своего существования). То есть через обращение к снимку мы можем видеть и анализировать внешние (а также внутренние) качества человека, его половую, возрастную, социальную, профессиональную, этническую, конфессиональную, культурную и даже политическую принадлежность. Поза человека, его осанка, одежда и сопутствующие предметы (или их отсутствие) могут дать довольно много информации о его занятиях, образе жизни, мировоззрении. Эта информативность заметно увеличивается в коллективном фото, на котором родственники, друзья, коллеги снимаются вместе, проявляя тем самым особые отношения между собой. Важную роль при анализе фотоматериалов играет предметный мир носителей культуры, который специально или случайно попадает в объектив фотоаппарата. Характерно, что при работе с фотоматериалами не последнюю роль играет решение проблемы авторства, так как нередко в персоне фотографа кроются секреты выбранного сюжета и качества снимка,

а также авторской редакции фиксируемой информации.

Что касается анализа непосредственного содержания фотоснимка, то очевидно, что к каждому жанру последнего необходимо выработать свои подходы. Так, в исследуемый нами период — первая треть XX в. — наибольшее распространение получил постановочный портрет (чаще групповой), а не сюжетные фотографии, которые при первом приближении кажутся более информативными. Тем не менее постановочное фото (кроме судебно-следственного) [Бураева 2005] чаще всего дает представление о том, каким человек хотел бы быть запечатленным, то есть оно все равно дает прямую или косвенную информацию о бытующих в его обществе стереотипах поведения, системе приоритетов и авторитетов.

Изучив многообразие теоретико-методологических принципов отношения к фотографии в современной науке, в данной исследовательской ситуации мы выделили два основных вопроса. 1. Роль фотографии в старообрядческой культуре: как эта инновация быта воспринималась и входила в эту консервативную среду, каким образом фотокарточка реализовывалась в эволюционирующей старообрядческой культуре? 2. Значение фотографии как специфического типа историко-этнографического источника, его эвристический потенциал в рамках использования кросс-культурного метода. А именно — информационные возможности фотографии для сравнительного выявления специфики характера и темпов эволюции старообрядчества Бессарабии, Бурятии и Тувы.

Особой ценностью для исследователя являются фотоматериалы, отражающие разные стороны жизни старообрядцев различных регионов. Во-первых, в отличие от официального православия, фотографирование человека в среде староверов долгое время считалось грехом и было строго табуировано. Поэтому сам факт фотографирования — это уже довольно ценная информация. Во-вторых, запечатленное, таким образом, нередко является фотографическим отражением разных элементов и компонентов культуры, которая сохранялась и развивалась старообрядцами в специфических условиях разных территорий и которая в ходе всемерной модернизации общества стала

постепенно превращаться в «уходящую натуру».

Характер развития массового фотоискусства позволяет определить следующие основные этапы в периодизации создания и функционирования фотографии: 1) традиционный (конец XIX — 30-е гг. XX в.); 2) современный (1940–1990-е гг.); 3) современный (начало XXI в.). Нас в данной исследовательской ситуации интересует первый из выделенных периодов — во-первых, в его рамках происходят значительные изменения в культуре старообрядцев разных регионов, а во-вторых, пока еще массово сохраняются внешние маркеры старообрядцев.

Соответственно в качестве нижней хронологической границы исследования выступает рубеж XIX и XX вв. как время активизации экономического и культурного развития Российской империи, в состав которой входили Бессарабия и Западное Забайкалье. Естественными внутренними вехами развития общества в целом и старообрядческой его составляющей в тот период в частности стали постройка Транссибирской магистрали, начало Первой мировой войны, революционные события 1917 г. и последующие изменения во всех сферах жизни. В ходе этих изменений Бессарабия, Забайкалье и Тува (бывшая до того в составе Китайской империи) оказались в принципиально разных общественно-политических, экономических и культурных условиях разных стран (Румынии, СССР и Тувинской Народной Республики). В качестве верхней хронологической границы выступает начало Второй мировой войны, приведшее к вхождению Бессарабии, а позже и Тувы в состав Советского Союза. Эти регионы принципиально отличаются друг от друга по целому ряду ключевых параметров, что дает возможность компаративного исследования вопроса: насколько региональная специфика оказывала влияние на характер развития старообрядчества в их пространстве? В частности, к отличающимся параметрам этих регионов можно отнести: географию (Бессарабия находится на морском Юго-Востоке Европы, а Западное Забайкалье и Тува — в глубине континентальной Азии); климат и возможности хозяйствования (мягкий бессарабский и резкоконтинентальный сибирский); демографию (высокая плотность в Бессарабии,

малая в Забайкалье и еще меньшая в Туве); миграционную специфику и историю формирования местных старообрядческих анклавов (большие группы народов, традиционно населяющих местность, и длительный приток добровольных переселенцев-старообрядцев в Бессарабию; относительно небольшое количество автохтонного населения и переселенческий характер в Сибири, с преобладанием штрафной колонизации в Забайкалье и вольного освоения в Туве); характер и уровень экономического развития (вовлеченность Бессарабии в относительно развитые европейские рынки и аграрно-промышленная экономика Сибири с железнодорожной коммуникацией в Забайкалье и удаленностью от развитой транспортной инфраструктуры в Туве); культурную среду (влияние культур славянских, тюркских и других народов региона, а также европейских технологических и культурных центров в Бессарабии; влияние культур разных переселенческих групп, автохтонов края и буддийско-конфуцианских стран Азии в Сибири) и др.

Для старообрядчества Бессарабии, кроме прочего, было характерно то, что вольно пришедшая сюда и постепенно сложившаяся группа старообрядцев-липован была в большей степени интегрирована в местный рынок, социум и его культуру. Подобный относительный либерализм привел к тому, что в их среде, наряду с другими согласиями, заметное распространение получила белокриницкая церковь, известная своей мягкой (по старообрядческим меркам) доктриной по отношению к внешнему обществу. Ее распространению способствовала и достаточно поздняя политическая интеграция Бессарабии в состав большой евразийской государственности, что позволило оформиться здесь одному из институционализованных старообрядческих центров — Измаильской епархии белокриницкого согласия, объединившей многих последователей старой веры в регионе [Пригарин 2011, 396–409].

Что касается семейских старообрядцев Забайкалья, то для них был характерен аграрный традиционализм, большая мера диаспоральной замкнутости и меньшая включенность во внешние связи. Здесь было представлено более тридцати разных согласий. При этом переселенческая

политика вела к тому, что последователи одного направления чаще всего расселялись в разные населенные пункты. Это мешало им создавать большие сильные общины и приводило к тому, что в Западном Забайкалье не было ни одной семейской деревни, в которой все старообрядцы были последователями одного согласия, составляли одну религиозную общину и ходили в одну церковь (молельный дом). В некоторых деревнях существовало до 15 (!) общин разных согласий. Самым распространенным и массовым было беллопоповское ветковское согласие, стоящее на умеренно традиционалистских позициях. В то же время поповское белокриницкое направление, известное своей либеральностью и получившее распространение в экономически более плотных и развитых западных регионах империи (в той же Бессарабии), несмотря на определенные успехи своей миссионерской деятельности в конце XIX — начале XX в., оставалось в абсолютном меньшинстве. Даже после 1905 г. семейские старообрядцы имели крайне малое количество священников и не имели монастырей.

Для старообрядцев Тувы было характерно то, что в основном они вольно пришли в регион с территории Российской империи, а позже Советского Союза в силу радикальности своих воззрений на государство и общество. Старообрядцы часовенного согласия еще в XIX в. перешли от беллопоповской к беспоповской практике и стали известны своими относительно резкими взглядами на мир и возможности спасения в нем и вне его. Поэтому у старообрядцев Верхнего Енисея и его притоков был минимум контактов с властью и обществом, но при этом развитые внутрисогласийные коммуникации, большое количество тайных поселений и скитов.

Основные комплексы фотографий фиксировались авторами в рамках многочисленных экспедиций по соответствующим территориям (в основном это снимки из семейных альбомов, а также коллекции музеев и архивов) и отложились в архивных, музейных, исследовательских и, что немаловажно, семейных фотографических собраниях России (Забайкалье и Тува), Украины и Молдавии. В качестве аккумуляторов этих материалов выступили научно-исследовательские центры Одессы (Одесский национальный

университет им. И. И. Мечникова) и Иркутска (Иркутский государственный университет).

Общая база исследованных нами фотоматериалов составляет около двух тысяч снимков, сделанных в конце XIX — 30-е гг. XX в. Основные жанры этих фотографий: групповой портрет (больше половины), индивидуальный портрет, элементы церковной культуры, обряды перехода, праздники, бытовые и хозяйственные сцены и т.д. Это перечисление отражает и степень популярности жанров — от массовых к менее распространенным. Кроме того, в Румынии 1920–1930-х гг. были выпущены серии фотооткрыток, посвященных отдельным местностям Бессарабии (Измаил, Килия, Вилково и др.), на которых нередко присутствовали липоване.

Исторические условия создания исследуемого корпуса фотоснимков в целом можно определить как состояние индустриальной модернизации общества, проходившей в несколько этапов с «переломным» рубежом в 1917 г. Подобный переход от традиционного к индустриальному обществу затрагивал практически все стороны жизни и неизбежно влек за собой форсированную эволюцию общественной культуры. В данный период неотъемлемой частью модернизации была набирающая силу технологизация общества. И хотя фотографическая техника была изобретена гораздо раньше, именно в этот период она получает массовый (не только элитарный) социальный запрос на свое распространение у разных этнических, конфессиональных и культурных групп населения. Это был своеобразный переход от профессиональной к любительской фотосъемке.

Исследуемые фотоматериалы делятся на дореволюционные (сделанные в конце XIX — начале XX в., большинство снимков относятся к 1905–1917 гг.) и постреволюционные (сделанные в 20–30-е гг. XX в.). Дореволюционные фотографии, как правило, выполнены профессиональным художником-фотографом и имеют относительно высокое качество. Чаще всего снимок делался в фотоателье крупного населенного пункта (часто города), носил постановочный характер и фоновой обстановкой мало чем отличался от фотографий представителей других конфессий.

В постреволюционный период и в буржуазной Румынии (меньше), и в Советской

России (больше) качество фотографии падает. Это связано с демократизацией фотоискусства, выходом его из ателье и проникновением в жизнь широких слоев (в том числе сельского) населения, понижением требовательности снимаемых, профессионализма и возможностей фотографа. Поэтому натурой часто становится стена дома (украшенная драпировкой) или просто среда ситуации фотографирования.

Характерно, что в исследуемых регионах фотография получила разную степень распространения и характер бытования. И если из всего привлеченного материала имеется более тысячи фотографий липован, а количество фотографий семейских исчисляется только несколькими сотнями, то количество фотоснимков тувинских старообрядцев того времени достигает всего лишь нескольких десятков.

Экономические и социокультурные особенности развития Бессарабии привели к более широкому распространению фотографических снимков уже на рубеже XIX и XX вв. Хотя здесь, как и в других местах расселения староверов, еще до недавнего времени от пожилых людей можно было услышать такую негативную реакцию на предложение сфотографироваться: «*Буду я свою бороду черту показывать?!*» Дело в том, что старообрядческое мировоззрение, как правило, разделяло пространство, объекты и явления на «чистые» («*Божьи*») и «нечистые» («*Антихристовы*»). При этом новация, не прошедшая проверку временем и практикой, чаще всего воспринималась как «нечистая». Кроме того, обыденность человека и его портрет долгое время воспринимались не только как грех, но и как дело суетное («*метушливое*» по-липовански). Тем не менее эволюция бытовой культуры и мировоззрения липован привела к тому, что со временем появляется не только относительно массовый групповой и индивидуальный портрет, но также фото знаковых сюжетов жизни (свадьба, похороны и др.), а также элементов церковной культуры (например, ставшее практически ритуальным фотографирование освящения храмов, соборов и совещаний, хиротонии или певчих).

Немаловажную роль для развития фотографии в старообрядческой среде Бессарабии сыграл тот факт, что ряд представителей конфессионального центра не

просто занимался фотосъемкой, а и считал это «*богоугодным делом*». Так, например, известный руководитель хора в г. Килие, издатель Измаильской епархии Анисим Казаков в 1930-е гг., наряду с церковной литературой, распространял по приходам фотографии собственного изготовления. Антоний Феодулович Изотов (1909 г. р.), который во второй половине 1930-х гг. был одним из преподавателей церковно-славянского чтения и пения в г. Вилково, фотографией начал заниматься в 1938 г., и это надолго стало одним из основных средств его существования. В 1946 г. Изотов поступил в рыбартель «Заря Свободы» со всей своей техникой. Когда он выразил желание ее покинуть и уйти в монастырь, его технику как «*средство производства*» не вернули владельцу. Интересно, что кишиневский епископ лично просил председателя об этом, но получил отказ.

Косвенно подобное отношение к фотографии подчеркивается подписями (иногда полууставом), имеющими не столько мемориальное, сколько «*благославительное*» содержание. Дарение фотокарточек осуществлялось как благословение со стороны священства своей пастве. Яркий пример: Иосиф Моржаков (в будущем — местоблюститель всех древних христиан), будучи епископом, писал измаильскому благочинному: «*Посылаю вам фотокарточку на добрую и молитвенную память. Ввиду дальности расстояния, видется приходится очень редко, а поэтому посылаю Вам фотоизображение которое всегда будете видеть, а кого мы видим о том мы и чаще вспоминаем, а в особенности прошу не забывать меня в своих святых молитвах которые нам крайне необходимы, как в этой земной, так и в будущей жизни*» [Архив Кишиневской общины РПСЦ, Д. Измаильское благочиние. Л. 11].

Семейские старообрядцы Забайкалья показали в этом вопросе большую консервативность [Васильева 2007]. Аграрный религиозный традиционализм долгое время не позволял фотографироваться и использовать фотографии в быту. Первыми в использовании фотографии, как и в Бессарабии, стали горожане и зажиточные жители деревни, которых отличала большая включенность во внешние экономические и культурные связи. Однако характер развития местной

экономики вел к тому, что количество подобных персон было небольшим и как следствие — фотография семейского старообрядца начала XX в. является определенной редкостью. Тем более нам в принципе не встречались дореволюционные и даже довоенные фотографии семейских свадеб, похорон и других важных моментов жизни забайкальских старообрядцев. Так, фото свадьбы начинают встречаться только в 1950-е гг., а похорон — уже в 1970-е гг. То же самое касается фотографий субъектов и объектов церковной культуры, фотографирование которых оставалось табуированным на протяжении всего исследуемого периода.

Также если у липован фотография начинает занимать свое прочное место в быту уже в 1930-е гг., то у семейских подобная домашняя презентация родовых фотопортретов начнет получать распространение только в послевоенный период. Очевидно при этом, что фотографии размещались в быту там же, где традиционные компоненты — иконы, лубок, зеркало и рушники. Поэтому неслучайным является расположение фотографий в системе почетных, социально и ритуально знаковых локусов — в красных углах (в селе) и на комодах (в городе). При этом на первом этапе она функционирует как презентация фото родовых и церковных авторитетов, которые, по отдельности или дополняя друг друга, оформляются в рамки и помещаются в почетных местах пространства дома. Второй этап, который в разных регионах начался в разные десятилетия послевоенного периода, связан с появлением фотоальбома, который ознаменовал массовое проникновение фотографии в быт старообрядцев и их потомков, а также феномен систематизации визуальной памяти семейной группы. То есть мемориальный функционал используемых фотоснимков сближал культуру старообрядцев и активно развивающуюся культурную систему внешнего общества, в чем, кроме прочего, появлялось нарастающее влияние последней на быт хранителей «древнего благочестия».

В то же время на фоне разноскоростного проникновения фотографии в быт старообрядцев Бессарабии и Забайкалья имеется пример «отрицательной скорости» этого процесса. Старообрядчество Тувы (которая еще в начале XX в. была

частью Китайской империи, а в 20–30-е гг. развивалась в рамках Тувинской Народной Республики), находившееся в экономически не развитом регионе и отличавшееся относительно радикальным традиционализмом, в большинстве своем продолжило придерживаться запрета на фотографирование. Характерно при этом, что если часовенные старообрядцы Урала (в основном более либеральные «заводские») стали позволять себе редкое фотографирование уже в начале XX в., то их сибирские и особенно тувинские потомки и единоверцы (в большинстве своем более традиционалистски настроенные «сельские» староверы) фотографию не принимали. Поэтому можно сказать, что первым относительно широким фотографическим фиксированием местных старообрядцев стало судебно-следственное фото (особенно второй половины 1940-х гг.), а вторым — фотографии, полученные в ходе «археографического открытия Сибири», совершенного Н. Н. Покровским, его учениками и последователями в 1965 г. и в последующие годы и десятилетия [Покровский 2005]. Примером могут служить несколько снимков староверов, сделанных ссыльным этнографом Ф. Я. Коном в 1901–1903 гг. [Татаринцева, Стороженко 2015] и чиновником по особым поручениям МВД С. Р. Минцловым в 1914 г. [Минцлов 2014] в селе Усинском, которое находилось на территории Енисейской губернии и было основной перевалочной базой для дальнейшей миграции в Урянхайский край. И если на юге Енисейской губернии старообрядцы еще могли позволить себе такую вольность, то на территории Тувы, куда они переселялись в потоке ортодоксальных последователей старой веры, о таких случаях практически неизвестно. Исключением могут быть несколько сюжетных снимков, сделанных на территории Урянхайского края экспедицией С. Минцлова, на которых на второй план попали старообрядцы. Только на одном из этих сюжетных фото — «На плоту на Малом Енисее» — несколько местных старообрядцев запечатлены на первом плане [Минцлов 2014. С. 71].

Учитывая жанровое многообразие снимков староверов, фотоматериал как источник для исследования такого специфичного проблемного поля

целесообразно разделить два блока. Первый — это фотографии как источник по истории этнической (народной) культуры старообрядцев, второй — как источник по истории их конфессиональной (церковной) культуры. И хотя это разделение довольно условно и имеет методологический характер, подобный подход позволяет нам выявить и изучить характер эволюции двух основных измерений старообрядческой культуры.

Сначала рассмотрим информативные возможности снимков, несущих больше данных об этнической (народной) культуре старообрядцев. Самым распространенным жанром фотографии является портрет, а наиболее информативными выступают групповые портреты, запечатлевшие большие и малые (что важно и показательно) семьи староверов. На них старообрядцы зрелого возраста выделяются своей чинностью, в чем проявляется их власть в старообрядческой семье и общине. Глава семейства чаще всего расположен в центре, рядом с ним или братья, или супруга. Сыновья, дочери, невестки с детьми (часто на руках) стоят сзади и по бокам, показывая местом, позой и осанкой свой статус в семейной иерархии. Важно отметить, что на фото практически не встречается людей старшего возраста — стариков, которые продолжали соблюдать комплекс запретов «в общении с миром», к чему относилось и фотографирование.

В подавляющем большинстве случаев старообрядцы запечатлялись в своей традиционной (часто в праздничной) одежде. По ней, кроме прочего, можно судить о достатке и о том, как эти люди позиционировали себя по отношению к внутреннему (старообрядческому) и внешнему (нестарообрядческому) обществу. Материал и крой одежды, украшения, манера их носить — все это дает непосредственное представление о том, как старообрядец вписывал себя в окружающее экономическое, социальное и культурное пространство. Причем более консервативным оставался женский костюм, как правило, представленный во всей своей традиционной красе. Вместе с тем и в покупном материале одежды, и в многообразии новых украшений чувствуется влияние рынка и моды.

Демократизация портрета и его переход из студии в народную среду привели

к тому, что на таких семейных композициях появляется множество мелких деталей. Фотографируясь, семья стремилась показать свой статус, положение и т.д. Благодаря этому в 1920–1930-х гг. на фото появляется ряд «этнографических» атрибутов (например, нередки игрушки, всевозможные народные инструменты и т.п.).

Анализ внешнего вида снимающихся помогает проводить детальные реконструкции. На их основе возможно воссоздать повседневные и праздничные костюмы липован и семейских. У тех и у других наиболее устойчивыми оказываются элементы, связанные с религиозными нормами: обязательное наличие поясов, борода у мужчин, покрытая голова у женщин и т.д. Вместе с тем сравнение фотографий старообрядцев в традиционных костюмах показывает и разительные отличия во внешнем виде староверов из разных регионов. И если внешний облик мужчин различается в меньшей степени (например, короткая стрижка, малое использование вышивки на рубаше-косоворотке, схожие ширина и орнамент тканых поясов), то внешний облик женщин отличается очень сильно. Различались ткань, крой и украшения сарафана, запона (передника) и рубахи со станушкой, кичка (с позатыльным у семейских и сборником у липован) и намагываемая на нее шаль (или платок), орнамент и размеры тканых поясов, верхняя одежда (курмушка и капот у семейских и сарафанный комплекс «шубка» или двусоставный «чехлик + юбка» у липован), обувь и украшения (запонки на рубаше, янтарное или стеклянное монисто у обеих групп).

Несмотря на то что жилище и другие постройки крайне редко попадали в кадр фотоаппарата (чаще всего фрагментарно), имеющиеся снимки позволяют нам сравнить разные элементы традиционной архитектуры староверов разных регионов. Это относится к особенностям улиц, усадьбы и дома, оформлению окон, ворот, заборов, крыльца и пр. То же самое касается предметов быта, хозяйственного инвентаря, транспорта и др.

В 1920–1930-е гг. и в румынской Бессарабии, и в советском Забайкалье происходит распространение любительских фотокамер, демократизация фотоискусства и упрощение технологии фотографирования. И хотя подобная эволюция в силу

разных причин имела место как в буржуазной Румынии, так и в Советской России, изменения в быту и стереотипах поведения советских старообрядцев были более заметными. Если в относительно поступательно развивающемся румынском обществе скорость эволюции народной культуры старообрядцев определялась темпами роста их достатка, то на советской территории определяющим фактором была форсированная модернизация.

Основным жанром фотографии остается групповой портрет. Но если раньше это чаще всего была фотография родни (нередко несколько поколений семьи), то в послереволюционное время (ввиду эволюции патриархальных устоев) все чаще в групповом портрете семейских встречается одна молодежь — «друзья», «подруги», «артель», «бригада» и т.д. И хотя встречаются фотографии, на которых все одеты в традиционную одежду, тем не менее все чаще появляются снимки, на которых часть людей одета в «семейское» (чаще всего девушки), а часть — в «новое» (чаще всего парни). Также и на семейном фото старообрядцев 30-х гг., наряду с одетыми в традиционную одежду представителями старшего поколения и девочками, можно увидеть мальчиков и молодых парней, одетых «по новой моде». Это говорит о том, что текущая модернизация императивно затрагивала педагогику и стремилась социализировать подрастающее поколение «по-новому», а не «по-старому» (не «по-семейному» и не «по-старообрядческому»).

Характерно, что на фоне женского традиционализма семейские мужчины выглядят свободнее как в одежде, так и в манере поведения. И хотя большая часть сохранившихся фотографий презентует нам мужчин в традиционной одежде, встречаются снимки, на которых молодые старообрядцы 30-х гг. позволили себе некоторые вольности (например, рубашу с отложным воротником). Более того, подобный отказ от традиционной косоворотки блекнет перед тем фактом, что на некоторых фото молодые старообрядцы побриты и вольно сидят «нога на ногу». Подобные перемены в стереотипах поведения представителей старообрядческой молодежи отражают эволюцию внешней, а значит, и внутренней сторон жизни либеральной части старообрядческой

молодежи. Большую роль в этой «нестарообрядческой» социализации молодых мужчин, как в имперский, так и в советский период, играла служба в армии. Так, в большинстве «военных» фотографий имеются не только неизбежные (форма и т.д.), но и вольные расхождения со старообрядческой традицией (нога на ногу, папироса и т.д.). Эта тенденция конвергентно присутствует и в липованской среде. Именно «молодежное фото» в 1930-х гг. демонстрирует секуляризацию быта и мировоззрения.

В советском обществе получает заметное развитие жанр официальной фотографии. Это снимки ударников, делегатов, бригад, коллективов организаций, партийных ячеек и т.д. Наряду с постановочной получает свое развитие и сюжетная фотография: труд, празднования, выборы и др. В один кадр с активистами, одетыми в «новое», попадают люди старообрядческой наружности (на многих снимках их подавляющее большинство), что может говорить о том, что далеко не все старообрядцы (в том числе молодые) спешили расстаться с традицией даже в условиях сотрудничества с администрацией и взаимодействия с другими группами местного населения. Вместе с тем если раньше семейские считали, что «с чужими нельзя

ни Богу молиться, ни за стол садиться», то теперь снимки со смешанным составом коллектива становятся не такой редкостью [Костров 2010, 375]. Более того, на таком коллективном фото уже можно увидеть семейскую девушку-активистку не в сарафане, а в платье. Это говорит о развитии и укреплении разных контактов с другими группами населения в процессе строительства «нового общества».

Так как в дореволюционное и постреволюционное время характер и степень распространения фотографии среди липован и семейских были разными, отличаются и возможности использования фотоматериала для анализа их конфессиональной (церковной) культуры. Среди липован в это время получают распространение фотоснимки с нарочитым (иногда в центре композиции) присутствием атрибутов веры (книг, икон, церковной одежды и др.). Более того, оснащаются фотокамерами представители конфессиональных центров и общин — иереи, дьяки, начетчики.

Как и многие инновации в старообрядческой среде, использование светотени прошло этап апробации. Яркий пример — распространение практически иконографических фотообразов митрополитов, владык и отдельных иереев у липован

Правление села (коммуна) Муравлевка. 1938 г.

Administration of the village (commune) of Muravlevka. 1938

Бессарабии. В 1930-е гг. появляются не только изображения живущих священников отдельного прихода или епархии, но и искусственные коллажи с ретроспективной (например, общий вид всех белокриничских митрополитов — от Амвросия до Иннокентия). Вслед за ними приходят лубочные образы различных святых староверия (фотографии икон или храмов). В тот же период к ним присоединяются фоторепортажи о важных событиях в жизни отдельных общин (например, съемки моментов богослужений или собраний прихожан во главе с клиром).

Пожалуй, самой выразительной группой снимков являются портреты владык, иноков и иереев. В целом в липованской среде выявлены фотопортреты всех митрополитов, местоблюстителей и большинства епископов. Первые фото священников появляются в начале XX в., однако заметно их количество возрастает в 1920–1930-е гг. Особняком стоят иноки и послушники всех епархиальных монастырей — в фотопамяти остались не только игумены, но и отдельные монашеские и находящиеся на послушании. Менее повезло дьякам, которые реже запечатлевались, чем наставники. Чаще всего они сфотографированы рядом со своими учениками, обучавшимися грамоте и церковному пению.

Отдельно примыкают к этой группе репортажи с епархиальных совещаний, съездов или поставлений во священнический сан кого-либо из наставников. Немалое количество подобных снимков подчеркивает важность этих событий для старообрядческой среды. Особо популярным можно считать события 1935 г., когда на смену Фенoгену пришел владыка Силуян. В этих фотографиях присутствовал не только мотив документирования события, но и пропаганды благочестивого владыки и его легитимации.

Особо выделяется корпус фотографий известного старообрядческого деятеля Федора Ефимовича Мельникова. Безусловно, бытовые и событийные карточки этого выдающегося начетчика и грамотея отображают его судьбу и предпочтения. Например, практически на всех его снимках имеется некая книга или тетрадь как знак его книжности и начитанности.

Несмотря на то что встречаются некоторые ранние фотографии липованской

Измаильский владыка Силуян (Кравцов) с иереями. 1936 г.

Siluyan (Kravtsov) the bishop of Izmail diocese with priests. 1936

свадьбы (в 1896 г.) или похорон (в 1915 г.), массово они начинают фиксироваться лишь с 1920-х гг. При этом все примеры подобных фото представляют городскую среду или принадлежат состоятельным прослойкам аграрного социума (священникам, учителям, трактирщикам и т.д.). Чаще всего образы этих событий стандартизированы — линейное разворачивание участников обряда в статичных позах. Их массовость позволяет говорить об устойчивости как отдельных элементов и субъектов ритуала, так и о трансформациях. Например, обязательными атрибутами свадебных процессий выступали иконы — благословения родителей, которые занимали вместе со священником центральное место в композиции — брачная пара лишь маркировала геометрическую ось изображения. Вместе с тем, судя по фото, в 1930-е гг. на смену традиционной кичке приходит модерновая фата. Обычай фотографировать похороны явно попал к липованам от соседей (особенно молдаван, болгар, гагаузов, у которых эти фотографии составляют существенную часть семейных фотоальбомов). Сакрализация поминовения умершего стремительно вбирает в себя процесс фотографирования и рассылки карточек тем, кто не смог присутствовать на отпевании.

Уникальными стоит признать фотографии других обрядов. Многие из календарных праздников стимулировали фотографирование (судя по записям на оборотах, многие из снимков сделаны после служб на почитаемые церковные даты: Пасху, Троицу, Рождество и т.п.). Однако люди не допускали съемку своих внутренних

практик — моление требовало сосредоточенности, а не суеты. Поэтому особо ценными являются единичные примеры фото крестных ходов или других элементов проявления религиозности. Так, например, специальный внимания заслуживают съемки Крещения и освящения воды на озере Китай в Муравлевке или престольного величания св. вмчц. Параскевы в Карячке (Мирном). Можно отметить, что и в дальнейшем моменты богослужений редко становились предметами фоторепортажей.

Забайкальские старообрядцы в это время субъекты и объекты церковной (конфессиональной) культуры не фотографировали. Это связано с двумя основными причинами. Во-первых, ортодоксальные установки (в том числе включающие запрет на фотографирование сакрального) сохранялись, даже несмотря на идущую советскую модернизацию. И хотя в распоряжении исследователей имеются единичные фотографии старообрядческих деятелей, действовавших на территории Забайкалья (епископ Афанасий, о. Антоний Пучков и др.), как правило, это снимки иерархов либерального белокриницкого согласия, не типичного для забайкальского старообрядчества. Также исключением, которое подтверждает правило, является фото крестного хода 17 мая 1909 г. в селе Тарбагатай. При этом из архивных источников известно, что подобные акты, организованные старообрядческими белокриницкими священниками, приводили к тому, что часть местного прихода отказывалась в них участвовать, *«находя их новостью и великим соблазном»* [Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 478 «Старообрядческого епископа Афанасия». Оп. 1. Д. 2. Л. 205]. Также практически нет фотографий забайкальских староверов в моленных костюмах. Отсутствие подобных фотоснимков говорит о степени сохранения достаточно жесткого режима допуска к сакральному у старообрядцев Забайкалья в первой трети XX в. Имеющийся корпус фотоматериалов наглядно показывает, как и насколько местный старообрядческий мир шел на контакт с внешним обществом и государством до революции и после нее. Во-вторых, советская антирелигиозная политика привела к тому, что старообрядческая конфессиональная

культура, которая и в дореволюционное время (до 1905 г., а иногда и после) реализовывалась скрытно, в новых условиях вынуждена была уйти в еще большее подполье и отказаться от презентации своих субъектов (уставщиков и священников) и объектов (книг, икон, моленных домов и т.д.).

Старообрядцы Тувы в исследуемый период продолжали отрицать фотографирование и оказывались на фотоснимках в основном в качестве подследственных или в неожиданной для себя ситуации (например, групповое фото смешанного состава). При этом в смешанной компании могли оказаться только *«мирские»* (общающиеся с внешним миром) старообрядцы, в то время как *«соборные»* (ограничившие внешние контакты) могли вынужденно оказаться только на судебно-следственных снимках.

Можно сделать вывод, что в силу объективных причин старообрядцы Западного Забайкалья на протяжении первой трети XX в. показывали больший уровень традиционализма, нежели старообрядцы Бессарабии, что, в частности, проявилось в относительно небольшой скорости проникновения фотографии в их культуру.

Отдельно стоит обобщить наблюдения о функционировании фотокарточек в старообрядческих сообществах. Наиболее *«сакральные»* (священники, храмы, наставники) нередко занимали свое место на божничке дома, а также на стенах церквей и моленных. Подчеркнем, что беспоповцы Тувы меньше были подвержены подобной практике (уже в наше время на одном из собраний в момент нашей экспедиции фотографию одного из старцев торжественно приговорили: *«вынести из храма»*; аргументация сводилась к тому, что *«мирскому не место в Божьем доме»*). Для таких снимков публичной религиозности находилось место и в другом *«священном месте»* — между листами книг и рукописей, тетрадок и т.д. Позже сюда добавляются календари с фотографиями: их часто размещали в красном углу, а календарики использовали в качестве закладок в текстах.

Нередко рядом с красным углом или на других почетных местах парадных комнат располагались парные фотографии супругов; как вариант — коллажи

из разновременных карточек всех членов семьи и/или основных событий ее жизнедеятельности. В советское время особую популярность приобрел обычай расставлять фотографии в горках или книжных шкафах. Основная масса семейных «фотоархивов» хранилась в альбомах и всевозможных «пакефиках», «коробках» и т.д. Со временем выделяются стадийные и жанровые специализации альбомов (свадебные, дембельские, детские и т.п.). Фотопамять предыдущих поколений сохранялась в «коморах» или «на горище», достаточно редко механически выкидывалась или уничтожалась.

В процессе своего вхождения в быт старообрядцев разных регионов фотография отразила большое количество специфических черт, характеризующих, в частности, народную (этническую) культуру липован Бессарабии и семейских Забайкалья, отличия в эволюции и как следствие в отношении к фиксации церковной (конфессиональной) культуры у старообрядцев разных регионов. И если липоване начинали все больше снимать разные компоненты церковной культуры, то семейские ее не снимали. Это было связано как с уровнем их традиционализма, так и с подпольным состоянием, в котором оказалась «старая вера» в 1930-е гг. на советской территории. Поэтому если у липован фотография является относительно массовым источником для исследования и народной и церковной культуры, то у семейских она является гораздо более скромно представленным источником для изучения народной культуры. Для старообрядцев, расселившихся в Туве по верховьям Енисея и его притокам, в силу удаленности от экономических центров и коммуникаций, а главное — в силу обостренного традиционализма вольно бежавших в этот далекий край, фотография так и осталась под строгим запретом. Факт сохранения этого запрета и редкие снимки мирских старообрядцев, нарушивших этот запрет, говорят о степени сохранения и характере развития традиционалистски ориентированной культуры старообрядцев Верхнего Енисея.

Фотография, как и многие другие элементы культуры, претерпела в старообрядческой среде эволюцию бытования от запрета до постепенного (в том

числе через этап соответствия «старому») вхождения в быт. Найдя прототипы в предыдущей практике (иконы, книги как коммуникативные площадки, рушники, зеркала и т.д.), староверы разных регионов со временем постепенно стали воспринимать эту технологическую инновацию. Но ее бытование еще долго ретроградно осознавалось как чуждое. Поэтому фотография входила в быт старообрядцев гораздо медленнее, чем у представителей других групп российского общества. При этом характер и мера такого отношения определялись как объективными, так и субъективными условиями среды развития того или иного старообрядческого сообщества. К последним можно отнести условия региона (уровень его экономического развития и степень включенности в общероссийские культурные коммуникации) и доминирующее в нем согласие, которое предполагало более (белокриницкое) или менее (часовенное) либеральную доктрину. Игра этих связанных между собой факторов во многом определила степень распространения фотографии в среде местных староверов.

На основании ретроспективного, функционального и сравнительно-исторического анализа можно выявить свойства фотографии как объекта старообрядческой практики первой трети XX в. В этом плане еще предстоит работа по реконструкции ее кодовых предшественников, чтобы ввести фотокарточку в общий процесс развития культуры (например, связь с иконой, лубком, фольклорными текстами и т.д.). Кроме того, в перспективе можно проследить эволюцию отношения к ней и формы ее бытования в среде старообрядцев разных регионов в последующие периоды. Например, использование фотографии в рамках отдельных ритуальных (обычай устанавливать фотографии на надгробных памятниках вместе/вместо христианской формулы-поминания на крестах) и других культурных комплексов. Однако и на этом этапе можно сделать вывод, что фотография является ценнейшим источником как для ретроспективного исследования эволюции культуры старообрядчества разных регионов, так и для компаративного выявления его специфики.

Источники и материалы

Архив Кишиневской общины РПСЦ. Д. Измаильская епархия. Автобиографии и анкеты. Л. 25.

Архив Кишиневской общины РПСЦ. Д. Измаильское благочиние. Л.11.

Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 478 «Старообрядческого епископа Афанасия». Оп. 1. Д. 2. Л. 205.

Исследования

Александров 2005 — Александров Е. В. Спектр проблем визуальной антропологии // VI конгресс этнографов и антропологов России (Санкт-Петербург, 28 июня — 2 июля 2005 г.): Тез. докл. / Отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб., 2005. С. 380–383.

Барт 1997 — Барт Р. «Camera Lucida»: Фрагменты / Пер. с фр. М. Рыклин. М., 1997.

Бойцова 2013 — Бойцова О. Ю. Любительское фото: визуальная культура повседневно-сти. СПб., 2013.

Бураева 2005 — Бураева С. В. Материалы Архива УФСБ по Республике Бурятия как источник по истории старообрядческой книжности Забайкалья // Матер. Всерос. конф. «Конфессии народов Сибири в XVII–XX вв.: развитие и взаимодействие». Иркутск, 2005. С. 225–229.

Васильева 2007 — Васильева С. В. Фотодокументальное источниковедение по истории семейских Забайкалья // Матер. V Междунар. конф. «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи». Улан-Удэ, 2007. С. 159–161.

Карпенко 2013 — Карпенко С. В. «Истина может быть установлена только на основании документов»: Архив генерала П. Н. Врангеля и изучение истории белого движения на юге России // Вестник архивиста. 2013. № 2 (122). С. 274–286.

Костров 2010 — Костров А. В. Фотоматериалы как источник по истории семейских старообрядцев Забайкалья в первой трети XX века // Вестник Тамбовского университета. 2010. № 3 (83). С. 327–333.

Лишаев 2007 — Лишаев С. А. Старая фотография (вещь, образ, расположение) // Mixtura

verborum' 2007: сила простых вещей: Сб. ст. / Под общ. ред. С. А. Лишаева. Самара, 2007. С. 3–10.

Малес 2007 — Малес Л. В. Фотография в социологических дисциплинах // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. В. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов, 2007. С. 168–182.

Минцлов 2014 — Минцлов С. Р. Секретное поручение. Путешествие в Урянхай: Фотоальбом. Дневник поездки в Туву в 1914 г. Кызыл, 2014.

Нуркова 2006 — Нуркова В. В. Зеркало с памятью. Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. М., 2006.

Петровская 2002 — Петровская Е. Непроявленное: Очерки по философии фотографии. М., 2002.

Покровский 2005 — Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. Новосибирск, 2005.

Пригарин 2011 — Пригарин А. А. Фотографии как источник для изучения старообрядчества Измаильской епархии // Матер. X Междунар. конф. «Старообрядчество: история, культура, современность». М.; Боровск, 2011. Т. 2. С. 396–409.

Татаринцева 2006 — Татаринцева М. П. Старообрядцы в Туве: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 2006.

Татаринцева М., Стороженко А. Старообрядцы в Туве: ретроспектива и современность. Saarbrücken, 2015.

Толмачева 2009 — Толмачева Е. Б. Понятие этнографической фотографии // VIII конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. (Оренбург, 1–5 июля 2009 г.) / Ред. В. А. Тишков. Оренбург, 2009. С. 581–584.

Kostrov, Prigarin 2016 — Kostrov A. V., Prigarin A. A. Photography as a source for comparative research of history and culture of local Old Believer groups in the first third of the 20th century // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. № 12. P. 2947–2963.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Костров А. В. <https://orcid.org/0000-0001-5274-5424>

Доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета: Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1; тел.: +7 (3952) 24-38-75; e-mail: a_kostrov@mail.ru

Пригарин А. А. <https://orcid.org/0000-0001-8154-2335>

Доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Одесского национального университета им. И. И. Мечникова: Украина, 65000, г. Одесса, ул. Дворянская, д. 2; тел.: +380 (48) 723-62-87; e-mail: prigarin.alexand@gmail.com

PHOTOGRAPHIC MATERIALS AS A SOURCE FOR CROSS-CULTURAL RESEARCH OF OLD BELIEVER TERRITORIAL GROUPS (BESSARABIA, BURYATIA, TUVA)

ALEKSANDR V. KOSTROV

(Irkutsk State University: 1, Karla Marksa str., Irkutsk, 664003, Russian Federation)

ALEKSANDR A. PRIGARIN

(Odessa National University: 2, Dvorianskaia str., Odessa, 65000, Ukraine)

Summary. *Photographic materials is value source for research of history and culture of Old Believers territorial groups. Fact of photographing, genres of photographs, outward appearance of depicted and material world, which surrounding them — all this gives a fair amount materials for researching of Old Believers particulars of different regions. Accordingly, this photographic documental legacy through the use of a comparative approach allows to educe and subject to cross-cultural analysis the specifics of different local Old Believer communities. And an analysis of the change the quantity, quality and content of photographic materials in the first third of the 20th century allows us to evaluate the pattern and rate of evolution of the Old Believer culture of different regions in that transitional period.*

In the article is researched to key issues of theory and practice of historiographic usage of photograph. An analytical comparison of photographs complexes reflecting different aspects of the life of the regional Old Believers in the period of on a phased basis technological modernization of public culture is carrying out. The typological and specific aspects in the historical and cultural development of the Old Believers' communities of Bessarabia, Buryatia and Tuva is revealed. It is concluded that photographic materials allows us to significantly expand and concretize the data of other types of historical sources. An additional point is that they provide ample opportunities for cross-cultural educe of the specifics and pattern of the evolution of the Old Believers traditional culture of different regions.

Key words: *photography, historical source, Old Believers, the Lipovans, the Semeyskie.*

Acknowledgements. *This paper is supported by the Grant of the Foundation for Basic Research project No. 18-09-00723 "Old Believer's Enisey meridian: maintenance and development of tradition in conditions of boreal forest hermitages and villages".*

References

Alexandrov E. V. (2005) Spectr problem vizualnoy antropologii [The spectrum of the problems of visual anthropology]. The 6th Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia: abstracts. Ed. by Yu. K. Chistov. St. Petersburg. Pp. 380–383. In Russian.

Barthes R. (1997) "Camera Lucida". Fragmenti ["Camera Lucida". Fragments]. Moscow. In Russian.

Boitsova O. Yu. (2013) Luditskoe foto: vizual'naya kul'tura povsednevnosti [Amateur photo: visual culture of reality]. St. Petersburg. In Russian.

Buraeva S. V. (2005) Materiali Arhiva FSB po Respublike Buratia kak istochnic po istorii staroobratcheskoi knijnosti Zabaikalia [Materials of archive of the FSS of the Department for the Republic of Buryatia as a source of the history of Old Believer's literacy of Transbaikalia]. Mat. of All-Russian conf. "Confessions of the people of Siberia in 17–20 centuries: development and interaction". Irkutsk. Pp. 225–229. In Russian.

Karpenko S. V. (2013) "Istina mojet byt' ustanovlena tol'ko na osnovanii dokumentov". Arkhiv generala P. N. Vrangelya i izuchenie istorii belogo dvigeniya na yuge Rossii ["The truth can be established on the basis of documents only". The archive of general P. N. Wrangell and the study of the history of the White movement in the south of Russia]. *Vestnik arhivista* [Herald of archivist]. 2013. No. 2 (122). Pp. 274–286. In Russian.

Kostrov A. V. (2010) Fotomateriali kak istochnic dlia izucheniya staroobradtsev Zabaikal'ya v pervoy treti XX v. [The photographic materials as a source of the history of the Semeyskie's Old Believers of Transbaikalia in the first third of the 20th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Herald of the Tambov University]. 2010. No. 3 (83). Pp. 327–333. In Russian.

Kostrov A. V., Prigarin A. A. (2016) Photography as a source for comparative research of history and culture of local Old Believer groups in the first third of the 20th century. *Journal of*

Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. No. 12. Pp. 2947–2963. In English.

Lishaev S. A. (2007) Staraia fotografiya (veshch', obraz, raspolojenie) [Old photo (thing, form, location)]. In: *Mixtura verborum' 2007: sila prostykh veshchey* [Mixture verborum' 2007: the power of simple things]. Ed. by S. A. Lishaev. Samara. Pp. 3–10. In Russian.

Males L. V. (2007) Fotografiya v sociologicheskikh disciplinakh [Photo in sociological disciplines]. In: *Vizual'naya antropologiya: novye vzglyady na sotsial'nuyu real'nost'* [Visual anthropology: new perspectives on social reality]. Ed. by E. V. Jarskaia-Smirnova, P. V. Romanov, V. L. Krutkin. Saratov. Pp. 168–182. In Russian.

Nurkova V. V. (2006) Zerkalo s pamat'yu. Fenomen fonjgrafii. Kulturologicheskii i istoricheskii analiz [Mirror with memory. Phenomenon of photo. Cultural and historical analysis]. Moscow. In Russian.

Petrovskay E. (2002) Neproavlennoe. Ocherki po filosofii fotografii [Unmanifested. Essays of the philosophy of photo]. Moscow. In Russian.

Pokrovskiy N. N. (2005) Puteshestvie za redkimi knigami [Journey for rare books]. Novosibirsk. In Russian.

Prigarin A. A. (2011) Fotografiya kak istochnik dlia izuzhenia staroobradchestva Izmail'skoi eparhii [Photo as a source for research the Old Belief of the Izmail eparchy]. In: *Staroobradchestvo: istoria, cultura, sovremennost'* [The Old Belief: history, culture, modernity]. Moscow; Borovsk. Vol. 2. Pp. 396–409. In Russian.

Tatarintseva M. P. (2006) Staroobradci v Tuve: Istoriko-etnograficheskii ocherk [The Old Believers in Tyva: Historical and ethnographic essay]. Novosibirsk. In Russian.

Tatarintseva M., Storogenko A. (2015) Staroobryadtsi v Tuve: retrospektiva i sovremennost' [The Old Believers in Tyva: retrospective and modernity]. Saarbrücken. In Russian.

Tolmacheva E. B. (2009) Ponatie etnograficheskoi fotografii [The concept of ethnographic photo]. The 8th Congress of ethnologists and anthropologists of Russia: abstracts. Ed. by V. A. Tishkov. Orenburg. Pp. 581–584. In Russian.

Vasilyeva S. V. (2007) Fotodokumentalnoe istochnikovedenie po istorii semeyskikh Zabaicalia [The photo documentary chronology of history of the Semeyskie of Transbaikalia]. Mat. of the 5th int. conf. "Old Belief: the history and modernity, local traditions, Russian and foreign connections". Ulan-Ude. Pp. 159–161. In Russian.

ABOUT THE AUTHORS

Kostrov A. V. <https://orcid.org/0000-0001-5274-5424>

E-mail: a_kostrov@mail.ru

Tel.: +7 (3952) 24-38-75

1, Karla Marksa str., Irkutsk, 664003, Russian Federation

Grand PhD (History), professor of the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University

Prigarin A. A. <https://orcid.org/0000-0001-8154-2335>

E-mail: prigarin.alexand@gmail.com

Tel.: +380 (48) 723-62-87

2, Dvorianskaia str., Odessa, 65000, Ukraine

Grand PhD (History), professor of the Department of Archaeology and Ethnology, Odessa, I. I. Mechnikov National University
